

лизм реформаторов. В этом смысле того pessimистического оптимизма, который из самых несмыслов и страданий пролетария выводит оптимистическое торжество рабочего класса и всего человечества.

Усвоив господствующую современности определения и другие преувеличения Маркса. И, говоря так, мы разумеется не классовую борьбу, не классовую социальную вражду, предвещавшую историческую философию Маркса: этот толчок на развитие человечества через внутреннюю борьбу уже случался во время общественного сознания на рубежах XVIII-го и XIX-го веков, и в первой половине прошлого столетия находил галантный истоскованный не только между высшими умами, но и из учеников, но и между буржуазными мыслителями. Ноги, мы говорим о том, подчеркивании экономического закона, который из упомянутой нами ныне совершенно абстрактной мысли о жеманности коллективной исключительности сдвинул одностороннюю, но столь популярную теорию «экономического материализма». Но опит так и это преувеличение было естественным результатом господствующего вены, именно господства, в котором находилась рабочий класс в связи с на- правлением социально-политической мысли. Действительно, взгляды на преобладающую роль отчуждений собственности уже довольно давно носились в воздухе, уже были отчетливо сформулированы Сент-Симонизм и даже прежде его известными деятелями первой революции Баррином, который — как очень кстати упоминает Жюль в своем интересном труде об «Упреждающем Собрании» — положить в основание своего «Введения во французскую революцию» (напечатанного лишь в 1845 г.) теорию распределения политической власти из зависимости от распределения экономической мощи во обществах.

Мы сказали сейчас о положении рабочего класса. Оно было, действительно, ужасно. То был, вконец истощенный кривой прокляточности и, соответственно с этим, усложнения эксплуатации труда кшатриями, жесточайшего казнь пролетариата. Рабочего загнали на фабрику для бесконечно длинного дня (по крайней мере, на

континенте Европы), лишив его всей радости жизни; от него оторвали жену и тоже послали на жертву фабричному Илоху и вынужденной проституции; у него отняли детей, отняли с самого юного возраста и заставляли работать убогий отпа и матер. Прислушавшись «о-радисты» буржуазия раздумала таковы семейный оянь пролетария, задавала его непосильными трудом, изуродовала его физически и нравственно, благодаря крайне низкой заработной платы и, стало быть, невозможности удовлетворять не только что высшим, но самым существенным потребностям организма, парализовала способность развития, словом, крайне сузила его кругозор и обречла его на самую монотонную и нищенскую жизнь, прерываемую лишь неограниченной жаждой забыться хоть на минуту в вине и грубых удовольствиях. Но тогда у человека отняли нормальные условия даже чисто органической жизни, все его мировоззрение пропитывается совершенно по- нятием стремлений к удовлетворению этих низших, столь существенных потребностей, лишь на фундаменте которых развивается всякая индивидуальная жизнь. Как в Сахар голодающего и жаждущего мучить вид- ния далеких пальм, страшной воя, словом, картин, выстраивались, так сказать, из жажды, так в со- щальной Сахаре капиталистического общества пролетариев обустраивать мучительно непрекращающиеся стремления к мате- риальному довольству; и надо быть бездушным филантро- ром, чтобы не видеть всего трагизма этого положения. Та картина, которую покойный Лисков думал за- писать русского интеллигента — оштрафа, говоря, что «личным извещал Шература было хуже, а обществен- ное — давать жить другим», эта картина была действительно изображением мировоззрения рабочего класса в наиболее тяжелый период его развития. И ве- леному крохоту общественному процессу развития, тогда было именно эту картину прерывало в трагическую картину классового самоотвержения, выходящую выдвигавших героев, помогающих душе свою за друга свои, именно из среды трудящихся масс, которая жила